

Степыкин Н. И. Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости») / Н. И. Степыкин // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 106—120. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120.

Stepykin N. I. (2021). Experience in Modeling Associative Fields (Project “Multilingual Associative Thesaurus of Politeness”). *Nauchnyi dialog*, 3: 106-120. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120

Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости»)

Степыкин Николай Иванович

orcid.org/0000-0002-2802-5686

кандидат филологических наук, доцент,
nick1086@mail.ru

федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Юго-Западный государственный
университет»

(Курск, Россия)

Исследование выполнено при
финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-012-00160 А.

Experience in Modeling Associative Fields (Project “Multilingual Associative Thesaurus of Politeness”)

Nikolay I. Stepykin

orcid.org/0000-0002-2802-5686

PhD in Philology, Associate Professor,
nick1086@mail.ru

Southwest State University

(Kursk, Russia)

The reported study was funded by RFBR
according to the research project № 20-
012-00160 А.

© Степыкин Н.И., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена моделированию ассоциативных полей вежливая и вежливый по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости». Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления структуры и содержания ассоциативно-вербальной сети носителя языка, что представляется возможным при обращении к данным свободного ассоциативного эксперимента. Автор рассматривает сочетание «стимул — реакция» как речевое действие. Новизна исследования заключается в том, что анализ ассоциативных данных проводится с опорой на операциональную модель продуцирования речи распределительной активации, что позволяет объяснить наличие разнообразных реакций в структуре ассоциативного поля. При анализе каждого речевого действия и операции учитывается принцип подхода к слову как единству акустического образа и понятия. Это неразрывное единство проявляется в одновременном механизме речевых действий концептуализации и внутреннего артикулирования. Сопоставительный анализ ассоциаций респондентов мужской и женской групп с опорой на операциональную модель продуцирования речи распределительной активации позволил выявить универсальные и гендерно специфичные черты в структуре и содержании анализируемых ассоциативных полей. В заключение сделан вывод о возможности применения разработанной автором модели речепорождения при моделировании ассоциативных полей.

Ключевые слова:

ассоциативное поле; вежливость; мультилингвальный ассоциативный словарь; моделирование; речевое действие; речевая операция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to modeling associative fields *vezhlivaya* (f) and *vezhlivyy* (m) (polite) based on the materials of the project “Multilingual associative thesaurus of politeness”. The relevance of the study is due to the need to identify the structure and content of the associative-verbal network of a native speaker, which is possible when referring to the data of a free associative experiment. The author considers the combination of stimulus-response as a speech action. The novelty of the research lies in the fact that the analysis of associative data is carried out based on the operational model of speech production of distributive activation, which makes it possible to explain the presence of various reactions in the structure of the associative field. When analyzing each speech action and operation, the principle of approaching the word as a unity of the acoustic image and concept is considered. This indissoluble unity is manifested in the simultaneous mechanism of speech actions of conceptualization and internal articulation. A comparative analysis of the associations of the respondents in the masculine and female groups based on the operational model of speech production of distributive activation made it possible to identify universal and gender-specific features in the structure and content of the analyzed associative fields. It is concluded that it is possible to use the speech production model developed by the author in modeling associative fields.

Key words:

associative field; politeness; multilingual associative dictionary; modeling; speech action; speech operation.

Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости»)

© Степыкин Н.И., 2021

1. Введение

Исследование специфики языкового сознания является одной из актуальных проблем, о чём свидетельствует значительное количество отечественных и зарубежных работ, так или иначе затрагивающих данную проблематику. Эффективным инструментом исследования языкового сознания с учётом его реальных психических компонентов выступает свободный ассоциативный эксперимент. По этой причине создание словарей ассоциативных норм стало одним из ведущих направлений антропоцентрического языкознания. Результаты, полученные с помощью ассоциативного метода, позволяют обнаружить структуру и содержание речевого действия, что имеет большой эвристический потенциал при изучении ассоциативных норм, то есть стандартов, в которых проявляются психически актуальные особенности семантики слова-стимула и специфика концептуализации стоящих за ним явлений.

Первые ассоциативные нормы были разработаны в США в начале XX века и включали всего 100 стимулов, большинство из которых составили наиболее распространенные и общеизвестные слова (существительные, прилагательные, глаголы) [Kent et al., 1910]. Ассоциаты использовались для изучения специфики устройства памяти и ментального лексикона [Jenkins et al., 1964], а также применялись при исследовании мозга испытуемых с психическими отклонениями. Необходимость расширения начального тестового списка слов-стимулов [Kent et al., 1910] отмечалась большинством исследователей, так или иначе работавших с ассоциатами. Представительная база ассоциативных норм американского варианта английского языка была собрана в словаре университета Южной Флориды [Nelson et al., 1999], составленном в результате свободного ассоциативного эксперимента и включающем более 750 000 реакций на 5019 слов-стимулов. В эксперименте приняли участие более 6000 испытуемых. По инструкции к проведению эксперимента респондентам запрещалось в качестве реакции вносить более одного слова. Большинство слов-стимулов составили существительные (76 %). Также словарные статьи тезауруса представлены

прилагательными (13 %), глаголами (7 %) и другими частями речи (4 %). В 1986 году данные эксперимента были переведены в электронный вид и в настоящее время доступны в сети Интернет. Ассоциативные нормы британского варианта английского языка наиболее полно представлены в Эдинбургском ассоциативном тезаурусе [Kiss et al., 1973], который включает в себя 8400 слов-стимулов и считается одной из форм представления британского языкового сознания.

В отечественном языкознании развитие ассоциативной лексикографии берет начало с издания в 1977 году «Словаря ассоциативных норм русского языка» под редакцией А. А. Леонтьева [САНРЯ]. В настоящее время с целью выявления межпоколенной динамики языкового сознания исследователи сопоставляют ассоциативные поля САНРЯ с данными «Русского ассоциативного словаря» 1994 года [РАС], «Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса» 2014 года [ЕВРАС] и «Электронного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири» 2017 года [ЭАСПС]. Сопоставительный анализ ассоциативных полей, различных по месту и времени фиксации, позволяет выявить специфику обыденного языкового сознания носителей русского языка территориально ограниченной общности [Васильева, 2020].

2. Двужычные и мультилингвальные словари ассоциативных норм

Инициатором создания первого мультилингвального ассоциативного словаря выступил Л. Постман, который объединил собранные ранее ассоциативные нормы на английском, французском и немецком языках [Postman et al., 1970]. После опубликования результатов этого исследования возрастает количество двуязычных ассоциативных словарей: появляются ассоциативные нормы киргизского и русского [Титова, 1975], латышского и русского [Ульянов, 1988], казахского и русского [Дмитрюк, 1998], испанского и русского [Санчез Пуиг и др., 2001], немецкого и русского языков [Уфимцева и др., 2004]. В 2004 году опубликован уникальный мультилингвальный ассоциативный тезаурус — «Славянский ассоциативный словарь», включающий 112 взаимно эквивалентных слов-стимулов белорусского, болгарского, русского и украинского языков, предварительно переведённых двуязычными экспертами [САС]. Количество испытуемых составило не менее 500 человек. Для гендерной сбалансированности состава респондентов были в равной степени задействованы как мужчины, так и женщины. Подробно проведение эксперимента описано в предисловии к словарю [Там же], который имеет прямой и обратный входы, что позволяет делать более глубокие выводы о сочетаемости слов в живой речи индивидов.

Новые формы ассоциативной лексикографии представлены в основном на Википедии персидско-английском словаре ассоциаций [Rahimi et al., 2011]. В настоящее время ведётся работа над переводным ассоциативным словарем сравнений на материале русского, калмыцкого и английского языков [Пюрбеев и др., 2019]. Также предпринимаются попытки создания мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости для интеграции языковых сообществ на материале психологически реальных структурно-содержательных компонентов лексемы *вежливость* в русском, армянском, китайском, английском и итальянском языках с последующим выявлением этнолингвокультурных стереотипов вежливости [Степыкин и др., 2020].

3. Проект «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости»: специфика составления словарных статей

Опубликованная в 2020 году русскоязычная часть проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости» включает 96 ассоциативных полей, репрезентирующих концепт ВЕЖЛИВОСТЬ.

Разработка словарных статей ассоциативного тезауруса предполагала пошаговую процедуру отбора слов-стимулов с применением компонентного и дефиниционного анализа, свободного ассоциативного эксперимента (далее — САЭ), а также метода интеллект-карт.

На первом этапе были проанализированы лексикографические данные. Далее проведён САЭ. В качестве слов-стимулов мы использовали саму лексику *вежливость* и её дериваты (*вежливый* и *вежливая*, *вежливое* и *вежливо*). Третьим шагом стал метод интеллект-карт, позволивший уточнить и дополнить данные САЭ (см. рис. 1).

Рис. 1. Интеллект-карта «вежливость»

Обобщив данные анализа словарей, результаты САЭ и записи интеллект-карт, мы получили список слов-стимулов для последующего

проведения САЭ и составления ассоциативных полей тезауруса вежливости.

Словарная статья ассоциативного тезауруса дана в форме таблицы. Приведём для наглядности фрагмент ассоциативного поля (далее — АП) *благовоспитанность* (см. табл. 1).

Таблица 1

Ассоциативное поле *благовоспитанность*

Реакции на стимул <i>благовоспитанность</i>	Количество реакций респондентов женского пола	Количество реакций респондентов мужского пола	Общее количество реакций
Воспитание	11	6	17
Вежливость	6	1	7
Манеры	6	—	6
Родители	5	1	6

В первом столбце даны реакции респондентов на стимул *вежливость*, упорядоченные по частоте. Второй и третий столбцы содержат информацию о количестве реакций респондентов женского и мужского пола соответственно. В четвёртом столбце даны общие количественные показатели по данному ассоциативному полю.

4. Обоснование операциональной модели речепорождения распределительной активации для анализа ассоциативного поля

В предыдущем исследовании мы продемонстрировали эвристический потенциал уточнённой версии модели речепорождения А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой при анализе динамики АП *вежливый* [Степыкин, 2020]. Несмотря на объяснительную силу этой теории, учитывающей «конкуренцию» различных уровней синтаксирования, её модульный характер накладывает определённые ограничения и не позволяет полностью учитывать специфику распределительной активации смысла при анализе АП.

Разрабатывая модель продуцирования речи, мы опираемся на структуру речевой деятельности: «Строго говоря, речевой деятельности, как таковой, не существует. Есть лишь система речевых действий, входящих в какую-то деятельность — целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую. С одной речью человеку делать нечего: она не самоцель, а средство, орудие, хотя и может по-разному использоваться в разных видах деятельности. Но, несмотря на сказанное, мы будем далее

все-таки говорить о речевой деятельности, помня при этом, что речь не заполняет собой всего “деятельностного” акта. Такая терминологическая неточность имеет свои преимущества: упоминание слова “деятельность” заставляет нас все время помнить о специфически “деятельностном” понимании речевых проявлений» [Леонтьев, 1969, с. 15]. Фундаментальное положение теории речевой деятельности, согласно которому речевая деятельность может быть осуществлена с помощью речевых действий, включающих набор различных речевых операций [Леонтьев, 1974], стало основой для разработки операциональной модели речепорождения распределительной активации. Продуцирование речи — это результат одновременной активации речевых действий концептуализации и внутреннего артикулирования. Условием осуществления этих действий является владение семантическими, морфологическими, синтаксическими и артикуляторными операциями, которые формируются в речевой деятельности. Образы этих операций присутствуют в нейронных структурах в рассредоточенном виде, в чём и проявляется принцип эвристичности речевого действия. При отсутствии образов этих операций порождение речевого действия и продуцирование речи в принципе невозможны. Т. Г. Визель полагает, что «для спонтанного произнесения слова необходимо иметь представление о его фонемном составе. Каждая артикулема в произносимом спонтанно слове играет смысловую роль, а значит, является эквивалентом фонемы. Фонему можно перевести и в букву, если слово реализуется не в устном, а в письменном варианте. Буква также эквивалент фонемы. Это позволяет констатировать: при повторении слова артикулемы являются единицами фонетики (условно — речи), при произнесении слова спонтанно артикулемы — единицы фонематики (условно — языка)» [Визель, 2018, с. 123]. В случае с продуцированием речи следует разграничивать спонтанное и повторное артикулирование. Опираясь на нейролингвистические данные, Т. Г. Визель отмечает, что «повторное артикулирование реализуется вторичной (гностико-праксической) корой мозга, спонтанное — третичной (символической, языковой). Соответственно первое относится к фонетическому уровню речевой функциональной системы, второе — к фонематическому (фонологическому)» [Там же]. Мы будем говорить о спонтанном артикулировании, которое выходит за рамки собственно артикуляционных движений. Чтобы избежать проблемы терминологической неясности, в нашем исследовании вводится термин *внутреннее артикулирование*, под которым понимается речевое действие по поиску языковых форм при передаче смысла.

Речевое действие концептуализации зависит от речевой ситуации, мотива и цели, которые определяют специфику реализации смысла. Мо-

тив порождает смысл, опосредование которого в языковых компонентах требует определённых речевых операций. Речевое действие концептуализации предполагает операции смыслового (поиск слов по смысловой доминанте), семантического (выбор слов по семантической структуре) и поверхностного синтаксирования (выбор слов по форме). Так как языковой знак — это единство «понятия и акустического образа», речевые действия концептуализации и внутреннего артикулирования выполняются одновременно. Отметим, что при смысловом синтаксировании также важен синтаксический потенциал слова. При семантическом и поверхностном синтаксировании происходит оформление высказывания в соответствии с образами семантических структур и структур поверхностного синтаксиса. Семантическое синтаксирование также направлено на реализацию смысловой доминанты. Например, осуществляется выбор пассивной или активной конструкции, используется синтаксический параллелизм и т. д. Результатом речевых действий концептуализации и внутреннего артикулирования является смысл, репрезентированный во внутренней речи и подготовленный к овнешнению. Овнешнение смысла, то есть переход из внутренней речи во внешнюю, осуществляется с помощью собственно артикуляционных движений. Отметим, что в процессе продуцирования речи формирующееся содержание смысла и звукового комплекса (внутреннее артикулирование) соотносится с мотивом и речевой ситуацией: «переливая содержание внутреннего слова в цепочки слов, освобождая его от субъективной ситуативности, говорящий / пишущий “выслушивает” их с точки зрения слушающего / читающего, его готовности приписать объективным значениям слов контекстный смысл» [Ахутина, 2008, с. 19].

Для нас принципиально важно, что реализация смысла происходит при распределительной активации различных речевых операций. Такой подход позволяет обнаруживать актуализацию доминирующих структурных компонентов смысла в зависимости от используемых операций.

5. Структура и содержание ассоциативных полей *вежливая* и *вежливый*: гендерный аспект

Рассмотрим возможность применения операциональной модели продуцирования речи распределительной активации при анализе структуры и содержания ассоциативных полей *вежливая* и *вежливый* с учётом их гендерной специфики. Анализ структуры и содержания АП *вежливая* будет осуществляться с опорой на операциональную модель продуцирования речи распределительной активации (см. п. 4) с учётом гендерной специфики ассоциатов. Представим совокупность реакций респондентов женского пола на слово-стимул *вежливая* (табл. 2).

Таблица 2

Ассоциативное поле *вежливая* как совокупность речевых операций
респондентов женского пола

Речевые операции	Механизмы	Продукт операции
Смысловое синтаксирование	Артикуляторные Лексические	Добрая 12, учтивая 6, воспитанная 3, умная 3, любезность 2, обходительная, нежная, культурная, приятная, скромная, разумная, понятная, порядочная, начитанная, не порочная, не старушка, красивая, почтительная, правильность, поверхностность, привет, обходительность, редкость, нудная, по билету — 63 % .
Смысловое синтаксирование + Семантическое синтаксирование	Артикуляторные Лексические и грамматические	Было 2, книксен, элемент — 6 % .
Полный цикл операций синтаксирования		Девушка 5, просьба 3, подруга 3, дама, особа, улыбка, приторно, леди, где такую найти? нет таких, няня, 6 — 31 % .

Аналогичным образом представим структуру АП *вежливая* по реакциям мужской группы испытуемых (табл. 3).

Таблица 3

Ассоциативное поле *вежливая* как совокупность речевых операций
респондентов мужского пола

Речевые операции	Механизмы	Продукт операции
Смысловое синтаксирование	Артикуляторные Лексические	Воспитанная 15, добрая 10, тактичная 5, обходительная 4, учтивая 3, правильная 3, милая 2, воспитанность 2, умная, нежная, культурная, приятная, скромная, культура, манеры, естественная, внимательная, знающая этикет, нескандальная, услужливая, привлекательная, добросовестная, спокойная, воспитание, хорошая, грубая — 65 % .
Полный цикл операций синтаксирования	Артикуляторные Лексические и грамматические	Девушка 9, дама 6, девочка 4, женщина 2, просьба, особа, улыбка, мама, продавщица, сестра, пора, собака, соседка, старушка, интонация, бабушка 35 %

Структурно АП *вежливая*, составленное из реакций респондентов женского пола, сходно с соответствующим аналогом совокупности реакций мужской группы респондентов. Более 60 % ассоциатов в структуре АП *вежливая*

активированы в результате речевой операции смыслового синтаксирования. Ассоциации с полным циклом синтаксирования незначительно преобладают в структуре АП женской группы респондентов (35 % по сравнению с 31 % у мужчин). Только в структуре АП *вежливая* мужской группы испытуемых обнаружены ассоциации с пропущенным поверхностным синтаксированием. Содержательно ассоциации мужской и женской групп испытуемых в основном совпадают, однако их количественный состав в структуре АП отличается.

Наиболее сильная предикативная связь для мужской группы респондентов *вежливая* — *добрая*. Преобладающей реакцией женщин на стимул *вежливая* стал понятийный ассоциат *воспитанная*. Среди реакций мужской группы испытуемых отметим ассоциаты, акцентирующие редкость или даже отсутствие такого качества, как вежливость (*где такую найти? нет таких, было, редкость*). Предикативная связь *вежливая подруга* актуализировалась только среди мужчин, а женской группой испытуемых подруга не воспринимается как носитель вежливости.

Представим ассоциативное поле *вежливый* как совокупность речевых операций респондентов женского пола (табл. 4).

Таблица 4

Ассоциативное поле *вежливый* как совокупность речевых операций респондентов женского пола

Речевые операции	Механизмы	Продукт операции
Смысловое синтаксирование	Артикуляторные Лексические	Воспитанный 22, добрый 7, культурный 6, учтивый 4, воспитание 3, любезный 3, приятный 2, умный 2, хороший 2, доброжелательный 2, милый 2, всегда говорит спасибо, красивый, услужливый, благовоспитанный, добро, культура, воспитанность, терпеливый, уступчивый, честный, уступчивый, аккуратный, внимание, спокойный, почтительный, приветливый — 60 % .
Смысловое синтаксирование + Семантическое синтаксирование	Артикуляторные Лексические и грамматические	Полиция — 1 % .
Полный цикл операций синтаксирования		Человек 20, мальчик 5, мужчина 3, тон 3, поступок 2, друг 2, старик 2, ребёнок, Саша, персонал, сын, интеллигент, характер, пассажир — 39 % .

Отметим, что АП *вежливый* включает те же операции, что и АП *вежливая*. Речевая операция смыслового синтаксирования доминирует в структуре

АП и составляет 60 % всех операций. Рассмотрим совокупность речевых операций респондентов мужского пола на примере АП *вежливый* (табл. 5).

Таблица 5

Ассоциативное поле *вежливый* как совокупность речевых операций респондентов мужского пола

Речевые операции	Механизмы	Продукт операции
Поверхностное синтаксирование	Артикуляторные Грамматические	Вежливость — 1 %.
Смысловое синтаксирование	Артикуляторные Лексические	Воспитанный 10, добрый 8, культурный 5, приятный 3, учтивый 2, аккуратный 2, порядочный 2, платок, воспитание, шляпа, умный, хороший, услужливый, красивый, благовоспитанный, воспитанность, приятный на общение, деликатный, послушный, благосклонный — 63 %.
Полный цикл операций синтаксирования	Артикуляторные Лексические и грамматические	Человек 7, мужчина 3, поступок, друг, ребенок, водитель, учитель, смотря с кем, грубый, муж, дагестанец, я, ученик, джентльмен, привет, юноша, не очень, парень — 36 %.

Структурно АП *вежливый*, составленное из реакций респондентов мужского пола, сходно с АП *вежливая* и соответствующим аналогом совокупности реакций женской группы респондентов. Актуализация 63 % ассоциатов в структуре АП *вежливый* происходит в результате речевой операции смыслового синтаксирования. Речевые операции с полным циклом синтаксирования незначительно преобладают в структуре АП женской группы респондентов (39 % по сравнению с 36 % у мужчин). В структуре АП *вежливый* мужской группы испытуемых обнаружена ассоциация с поверхностным синтаксированием (*вежливость*), актуализирующая деривационную структуру слова-стимула. Большинство ассоциаций мужской и женской групп испытуемых совпадают, однако их количественный состав отличается.

Отметим, что предикативная связь *вежливый* — *добрый* более актуальна для испытуемых мужской группы. Ассоциаты *милый*, *любезный*, *доброжелательный*, *мальчик* и *старик* оказались характерны для женщин. Внешним атрибутом вежливости для женской группы испытуемых стала *шляпа*, а для мужчин — *платок*. Полагаем, ассоциаты *аккуратный* и *платок* являются взаимодополняющими, то есть слово *вежливый* в сознании мужской группы испытуемых соотносится с *аккуратностью* человека, имеющего при себе *платок*.

6. Выводы

На основе анализа ассоциативных полей *вежливая*, *вежливый* по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости» нами была апробирована операциональная модель продуцирования речи распределительной активации, а также выявлена гендерная специфика речевых действий и операций.

При рассмотрении сочетания «стимул — реакция» как речевого действия для нас важно прежде всего то, что именно концепция речевых действий и речевых операций позволяет моделировать продуцирование речи, а сама операциональная модель может быть использована для анализа предикативных компонентов АП.

В каждом речевом действии и речевой операции учитывается принцип подхода к слову как единству акустического образа и понятия. Это неразрывное единство проявляется в параллельном (симультанном) механизме речевых действий концептуализации и внутреннего артикулирования. Распределительный характер активации позволяет объяснить появление разнообразных реакций в результате свободного ассоциативного эксперимента.

Структура ассоциативных полей *вежливая* и *вежливый* представлена совокупностью речевых операций смыслового, семантического и поверхностного синтаксирования, а также внутреннего артикулирования. Более 60 % ассоциатов активированы с помощью операции смыслового синтаксирования.

В результате анализа ассоциативных полей *вежливая* и *вежливый* было выявлено незначительное преобладание речевых действий с полным циклом синтаксирования у женской группы испытуемых (35 % vs 31 % и 39 % vs 36 % соответственно).

Большинство ассоциаций мужской и женской группы испытуемых совпадают, однако их количественный состав отличается. *Добрая* — наиболее частотная реакция респондентов мужской группы на стимул *вежливая*. Для респондентов женской группы такой реакцией является *воспитанная*.

Таким образом, нами было обосновано применение операциональной модели продуцирования речи распределительной активации при анализе ассоциатов, а также выявлены общие и дифференциальные черты в структуре и содержании ассоциативных полей, составленных из совокупности реакций мужской и женской групп испытуемых.

Источники и принятые сокращения

1. ЕВРАС — Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус [Электронный ресурс] / Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева. — Москва : Институт язы-

кознания РАН, 2014, Т. 1—2. — Режим доступа : <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evgas>.

2. РАС — *Караулов Ю. Н.* Русский ассоциативный словарь : ассоциативный тезаурус современного русского языка [Электронный ресурс] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. С. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — 1994—1998. — Режим доступа : <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/>.

3. САНРЯ — *Леонтьев А. А.* Словарь ассоциативных норм русского языка [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. — Москва : Московский университет, 1977. — Режим доступа : <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>.

4. САС — *Уфимцева Н. В.* Славянский ассоциативный словарь : русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. — Москва : Институт языкознания РАН, 2004. — 792 с. — ISBN 5-7904-0366-2.

5. ЭАСПС — *Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири* [Электронный ресурс] / С. П. Васильева, А. Д. Васильев, Т. В. Мамаева, М. В. Шибаев. — Режим доступа : <http://react.ftn24.ru/statistic>.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахутина Т. В.* Модель порождения речи Леонтьева — Рябовой : 1967—2005 / Т. В. Ахутина // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи / под ред. Т. В. Ахутиной, Д. А. Леонтьева. — Москва : Смысл, 2008. — С. 79—104.

2. *Васильева С. П.* Опыт выявления специфики обыденного языкового сознания русских по данным ассоциативных словарей XX—XXI веков / С. П. Васильева // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 27—44. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44.

3. *Визель Т. Г.* Артикуляция и ее нарушения (теоретический аспект с позиции нейропсихологии) / Т. Г. Визель // Специальное образование. — 2018. — № 3 (51). — С. 123—135. — DOI: 10.26170/sp18-03-11.

4. *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. — Москва : Просвещение, 1969. — 214 с.

5. *Леонтьев А. Н.* Общее понятие о деятельности / А. Н. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности. — Москва : Наука, 1974. — 368 с.

6. *Пюрбеев Г. Ц.* Опыт создания ассоциативного словаря сравнений / Г. Ц. Пюрбеев, Е. В. Голубева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2019. — Том 12. — Выпуск 2. — С. 223—226. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.48.

7. *Санчез Пуиг М.* Ассоциативные нормы русского и испанского языков / М. Санчез Пуиг, Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова. — Москва ; Мадрид : Азбуковник, 2001. — 496 с. — ISBN 5-99744-035-X.

8. *Степыкин Н. И.* Ассоциативное поле вежливых : динамика психологически актуального содержания в лексиконе индивида / Н. И. Степыкин // Science for Education Today. — 2020. — № 2. — С. 151—166. — DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2002.10>.

9. *Степыкин Н. И.* Проект мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости / Н. И. Степыкин, Д. М. Миронова. — Курск : Университетская книга, 2020. — 205 с. — ISBN 978-5-907356-47-4.

10. *Титова Л. Н.* Киргизско-русский ассоциативный словарь / Л. Н. Титова. — Фрунзе : Илим, 1975. — 250 с.

11. Ульянов Ю. Е. Латвийско-русский ассоциативный словарь / Ю. Е. Ульянов ; Академия наук Латвийской ССР. Институт языка и литературы. — Рига : Зинатне, 1988. — 186 с.
12. Уфимцева Н. В. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков / Н. В. Уфимцева, И. А. Стернин, Х. Эккерт, В. И. Милехина и др. — Воронеж : Истоки, 2004. — 130 с. — ISBN 5-88242-338-4.
13. Kent G. H. Study of association in Insanity / G. H. Kent, A. J. Rosanoff // *American Journal of Insanity*. — 1910. — № 67. — Pp. 317—390.
14. Kiss G. R. An associative thesaurus of English and its computer analysis. The computer and literary studies / G. R. Kiss, C. Armstrong, R. Milroy, J. Piper. — Edinburgh : University Press, 1972. — Pp. 153—165.
15. Nelson D. L. The University of South Florida Word Association, Rhyme, and Word Fragment Norms [Electronic resource] / D. L. Nelson, C. L. McEvoy, T. A. Schreiber. — Access mode : <http://w3.usf.edu/FreeAssociation>.
16. Palermo D. S. Word association norms : Grade school through college / D. S. Palermo, J. J. Jenkins. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1964. — 448 p.
17. Playfoot D. Are word association responses really the first words that come to mind? / D. Playfoot, T. Balint, V. Pandya, A. Parkes, M. Peters, S. Richards // *Applied Linguistics*. — 2016. — № 39 (5). — Pp. 607—624. — DOI: 10.1093/applin/amw015.
18. Postman L. J. Norms of word association / L. J. Postman, G. Keppel. — New York : Academic Press, Language arts & Disciplines, 1970. — 476 p.
19. Rahimi Z. Creating a Wikipedia-based Persian-English word association dictionary / Z. Rahimi, A. Shakery // 5th International Symposium on Telecommunications, IST 2010. — 2011. — Pp. 562—567. — DOI: 10.1109/ISTEL.2010.5734088.

MATERIAL RESOURCES

- EASPS — Vasilyeva, S. P., Vasilyev, A. D., Mamaeva, T. V., Shibaev, M. V. *Electronic associative dictionary of the Yenisei Siberia*. Available at: <http://react.ftn24.ru/statistic>. (In Russ.).
- EVRAS — Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V. (2014). *Russian regional associative dictionary-thesaurus, 1—2*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Available at: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras>. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V., Sorokin, Yu. S., Tarasov, E. F. (1994—1998). *Russian Russian associative dictionary: associative thesaurus of the modern Russian language*. Available at: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/>. (In Russ.).
- SANRYA — Leontiev, A. A. (1977). *Dictionary of associative norms of the Russian language*. Moscow: Moscow University. Available at: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm/>. (In Russ.).
- SAS — Ufimtseva, N. V., Cherkasova, G. A., Karaulov, Yu. N., Tarasov, E. F. (2004). *Russian associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 792 p. ISBN 5-7904-0366-2. (In Russ.).

REFERENCES

- Akhutina, T. V. (2008). Model of speech generation by Leontiev-Ryabova: 1967—2005. In: *Psychology, linguistics and interdisciplinary relations*. Moscow: Smysl. 79—104. (In Russ.).

- Kent, G. H., Rosanoff, A. J. (1910). Study of association in Insanity. *American Journal of Insanity*, 67: 317—390.
- Kiss, G. R., Armstrong, C., Milroy, R., Piper, J. (1972). An associative thesaurus of English and its computer analysis. In: *The computer and literary studies*. Edinburgh: University Press. 153—165.
- Leontiev, A. A. (1969). *Language, speech, speech activity*. Moscow: Education. 214 p. (In Russ.).
- Leontiev, A. N. (1974). The general concept of activity. In: *Fundamentals of the theory of speech activity*. Moscow: Nauka. 368 p. (In Russ.).
- Nelson, D. L., McEvoy, C. L., Schreiber, T. A. *The University of South Florida Word Association, Rhyme, and Word Fragment Norms*. Available at: <http://w3.usf.edu/FreeAssociation>.
- Palermo, D. S., Jenkins, J. J. (1964). *Word association norms: Grade school through college*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 448 p.
- Playfoot, D., Balint, T., Pandya, V., Parkes, A., Peters, M., Richards, S. (2016). Are word association responses really the first words that come to mind? *Applied Linguistics*, 39 (5): 607—624. DOI: 10.1093/applin/amw015.
- Postman, L. J., Keppel, G. (1970). *Norms of word association*. New York: Academic Press, Language arts & Disciplines. 476 p.
- Pyrbeev, G. Ts., Golubeva, E. V. (2019). Experience of creating an associative dictionary of comparisons. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 12 (2). Tambov: Gramota. 223—226. DOI: 10.30853/filmnauki.2019.2.48. (In Russ.).
- Rahimi, Z., Shakery, A. (2011). Creating a Wikipedia-based Persian-English word association dictionary. In: *5th International Symposium on Telecommunications, IST 2010*. 562—567. DOI: 10.1109/ISTEL.2010.5734088.
- Sanchez, Puig M., Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A. (2001). *Associative norms of Russian and Spanish languages*. Moscow; Madrid: Azbukovnik. 496 p. ISBN 5-99744-035-X. (In Russ.).
- Stepykin, N. I. (2020). Associative field polite: dynamics of psychologically relevant content in the lexicon of an individual. *Science for Education Today*, 2: 151—166. DOI: 10.15293/2658-6762.2002.10. (In Russ.).
- Stepykin, N. I., Mironova, D. M. (2020). *Project of a multilingual associative thesaurus of politeness*. Kursk: Universitetskaya kniga. 205 p. ISBN 978-5-907356-47-4. (In Russ.).
- Titova, L. N. (1975). *Kirghiz-Russian associative dictionary*. Frunze: Ilim. 250 p. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V., Sternin, I. A., Eckert, X., Milekhina, V. I. (2004). *Associative norms of Russian and German languages*. Voronezh: Istoki. 130 p. ISBN 5-88242-338-4. (In Russ.).
- Ulyanov, Y. E. (1988). *Latvian-Russian associative dictionary*. Riga: Zinatne. 186 p. (In Russ.).
- Vasilyeva, S. P. (2020). Experience of Identifying the Specifics of Everyday Linguistic Consciousness of Russians according to Associative Dictionaries of the XX—XXI Centuries. *Nauchnyi dialog*, 1: 27—44. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44. (In Russ.).
- Wiesel, T. G. (2018). Articulation and its disorders (theoretical aspect from the perspective of neuropsychology). *Special education*, 3 (51): 123—135. DOI: 10.26170/sp18-03-11. (In Russ.).